

Глава I

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Дипломатия – политика в роскошном костюме.

Наполеон I

Те, кто занимается дипломатией ради титула и денег, не имеют никакого представления о дипломатическом ремесле. Они наносят огромный ущерб делу, которое им доверили.

Ф. Кальер,
французский дипломат

Ни в одной профессии жена не может играть более важной и полезной роли, чем на дипломатической службе.

Дж. Трю,
американский дипломат

Наш курс посвящен дипломатии – ее содержанию, стилю, методам и приемам, качествам, необходимым представителям этой профессии, и требованиям, которые предъявляются к дипломатам.

Прогресс в теории и практике дипломатии приводит как к более научному взгляду на нее, так и к эволюции ее методов и значительному изменению профессиональных требований к дипломатам.

В течение столетий происходил переход от вестника-дипломата, оратора-дипломата к дипломату-наблюдателю и информатору, к дипломату адвокату-защитнику. Конечно, это переход, а не диаметрально противоположность, это постепенные изменения и обогащение методов, сочетание одних приемов дипломатии с другими, их приспособление к изменяющимся политическим, экономическим условиям, к международной обстановке. Рассмотрим, к примеру, требования, которые предъявлялись к дипломатам 500 лет тому назад. В XVI в. считалось, что посол и вообще дипломат должен быть ученым-теологом, хорошо знать труды Аристотеля и Платона и уметь ответить на любой, самый отвлеченный вопрос, а также быть специалистом в математике, архитектуре, музыке, физике, гражданском и церковном праве, свободно говорить и писать по-латыни, на греческом, испанском, французском и турецком языках, знать историю и географию, быть специалистом военного дела, а также знатоком

поэзии. Едва ли можно найти сейчас хоть одного дипломата, который бы удовлетворял этим требованиям. Но другие времена – другие требования. Наверное, читатели согласятся со мной, что требования к дипломатам в те времена были необычайно высокими и что, пожалуй, в своем объеме с годами они не увеличивались, а скорее уменьшались. Наши предки очень высоко ценили искусство дипломатии.

Определение дипломатии

Первый вопрос, на который предстоит ответить, – что такое дипломатия? – вызвал в литературе массу споров. Часто слова «дипломат» и «дипломатия» употребляются для совершенно различных понятий. Начнем со словарей. У В. Даля говорится, что дипломатия означает науку о взаимных сношениях государей и государств. Ну а международная торговля относится к дипломатии, ведь это тоже «взаимное сношение»? А кто в государстве определяет понятие и содержание этой науки? Понятие «дипломат», по словам Даля, означает служащего по дипломатической части. Административные сотрудники посольства служат по какой части? Они – дипломаты? Слово «дипломатический» приравнивается в его словаре к понятию «неискренний», а дипломат характеризуется как человек ловкий, тонкий, скрытный, изворотливый.

С.И. Ожегов в своем словаре указывает, что дипломатия – это «деятельность правительства по осуществлению внешней, международной политики государства» и в переносном значении – ухищрения, уклончивость в действиях.

Иногда слово «дипломатия» употребляется как синоним внешней политики. В общем, правильно замечание одного дипломата, что словом этим пользуются без всякого разбора и потому оно часто употребляется для характеристики самых разных, иногда противоречивых понятий, ничего общего не имеющих с подлинной дипломатией.

Для широкой публики дипломатия – это искусство обмана, царство условностей и протокола, роскошной жизни и безделья. Она часто судит о дипломатии лишь по показной стороне. Это в значительной степени результат закрытости этой профессии, скажем, как специальности разведчика, но о последних существует огромная детективная литература, масса кинофильмов (чего стоит один «Агент 007»). Книги о дипломатах можно перечислить по пальцам, в фильмах их по преимуществу показывают на роскошных приемах, в литературе и в фильмах дипломатов рисуют в самых неприглядных тонах (исключение может, пожалуй, составить только фильм об

А. Коллонтай). Один датский дипломат говорил по этому поводу: «Я чувствую, что нас осуждают, но не за то, что мы на самом деле собой представляем, а на основании того, что люди привыкли думать о нас. По их представлению, дипломаты ответственны за всю глупую внешнюю политику наших правительств»¹.

Слово «дипломат» происходит от древнегреческого слова «диплома» и означает официальные документы (в том числе, употребляя современную терминологию, такие понятия, как: удостоверение, инструкция, сегодняшние «верительные грамоты»). Буквально оно означало «удваиваю», от способа, которым они складывались. В Древней Греции послы, направлявшиеся на переговоры, получали инструкции, грамоты, удостоверяющие их полномочия. Последние предъявлялись должностному лицу города, ведавшему дипломатическими делами. Они представляли собой дощечки, сложенные вместе. Их называли «диплома». Отсюда происходит и сам термин «дипломатия»². Впрочем, само это слово стали употреблять позднее, в начале XVII в. В Англии, например, первый случай употребления понятия «дипломатия» относится к 1645 г.³ В 1693 г. известный немецкий философ, математик и языковед Г.В. Лейбниц (кстати, разработавший по просьбе Петра I проекты образования и управления в России) опубликовал «Свод дипломатического права». В нем он употребил слово «дипломатический» (по латыни – *diplomaticus*). С тех пор оно стало означать «касающийся международных отношений».

Но, пожалуй, первым в том значении, которое мы придаем этому слову, понятие «дипломатия» стало употребляться Франсуа Кальером, французским дипломатом, послом Людовика XIV в нескольких европейских странах, участником важных и успешных переговоров. В 1716 г. он опубликовал книгу «Способы ведения переговоров с государями»⁴. Слово «дипломат» он еще не употреблял, предпочитая говорить о «переговорщиках». Но слово «дипломатия» у нас уже встречалось, и именно в том смысле, в котором мы его сейчас понимаем. Книга Кальера не утратила своего значения до настоящего

---

¹ Clark E. Corps Diplomatique. – L., 1973. – P. 3.

² История дипломатии. – 2-е изд. – Т. 1. – М., 1959. – С. 36.

³ Сатой Э. Руководство по дипломатической практике. – М., 1961. – С. 12.

⁴ De Callieres F. On the Manner of Negotiating with Princes / Пер. с франц. – Kingston, 1963. Эту книгу Кальер написал, когда ему исполнилось 70 лет. Автором обнаружена в Российской исторической библиотеке книга Кальера, изданная на русском языке в 1757 г. и опубликованная Дипломатической академией в 2001 г.

времени. Она изучается сейчас в качестве обязательного учебника во всех западных и восточных школах по подготовке дипломатов. С появлением ее дипломатия стала рассматриваться как наука и искусство, основанные на теоретическом подходе и высоких моральных принципах. Дело в том, что в греческий и римский периоды дипломатия была профессией, для которой хитрость и обман считались нормой, а во времена Византии и Средневековья методы лжи и обмана были доведены до уровня искусства. Ф. Кальер впервые решительно отверг ложь как средство переговоров. «Обман – это в действительности показатель ограниченности ума того, кто ведет переговоры. Не секрет, что для достижения успеха всегда практиковалась ложь. Она постоянно оставляла после себя капли отравы, и даже наиболее блестящие успехи дипломатии, достигнутые обманом, покоятся на шаткой почве. Успешно проведенные честные и основанные на высоком интеллекте переговоры создадут дипломату огромные преимущества в последующем диалоге, который он будет вести»¹, – писал Кальер.

Вернемся, однако, к определению понятия «дипломатия». Среди наиболее интересных для нас ее дефиниций следует отметить такие, как: «дипломатия – наука о внешних сношениях, в основе которой лежат изучение дипломов или письменных актов, исходящих от монархов»; «дипломатия – наука о внешних сношениях или иностранных делах государства или искусство взаимно согласовывать интересы народов, а в более точном смысле – наука или искусство переговоров» (это последнее определение принадлежит известному российскому юристу-международнику Ф. Мартенсу); «дипломатия – это совокупность знаний и принципов, необходимых для правильного ведения публичных дел между государствами»². Дипломатический словарь, изданный в нашей стране под эгидой Министерства иностранных дел (главный редактор А.А. Громыко), дает такое определение: «Дипломатия – принципиальная деятельность глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений по осуществлению целей и задач внешней политики государства, а также по защите прав и интересов государства за границей»³.

Это определение в основном может быть принято, но с некоторыми уточнениями. В нем опущено упоминание, что она осуществ-

---

¹ *De Callieres F.* Op. cit. – P. 31.

² *Самой Э.* Указ. соч. – С. 11.

³ *Дипломатический словарь.* – 2-е изд. – Т. 1. – М., 1971. – С. 479 (в первом издании этого словаря было дано несколько другое определение).

вляется мирными средствами, ведь внешняя политика может осуществляться и военными, агрессивными методами.

Часто вместо слова «дипломатия» употребляют термин «дипломатическая практика» или «дипломатическая служба», имея в виду работу министерства иностранных дел, посольств, генконсульств и консульств.

Дипломатическая служба не только осуществляет внешнюю политику, но, как правило, и участвует в ее выработке, и, наконец, в ее задачу входит не только защита интересов государства, но его граждан, каждого отдельного человека, проживающего за рубежом своей страны.

Ж. Камбон, выдающийся французский дипломат¹, в своей книге «Дипломат» не дает прямого определения дипломатии, но в ремарках склоняется к определению дипломатической деятельности как искусства ведения переговоров, заключения соглашений, направленных на поиск способов, которые позволили бы в отношениях между народами не прибегать к применению крайнего средства – силы².

Г. Никольсон также не дает своего определения дипломатии, но говорит: «Я предлагаю придерживаться толкования, данного этому слову «Oxford English Dictionary» (оксфордским словарем английского языка), а именно: «Дипломатия – это ведение международных отношений посредством переговоров, метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками, работа или искусство дипломата». В другом случае Никольсон, говоря об искусстве дипломатии, отметил, что ее назначением является «создание международного доверия».

Э. Сатоу пишет: «Дипломатия есть применение ума и такта к ведению официальных сношений между правительствами независимых государств, а еще короче – ведение дел между государствами с помощью мирных средств»³.

Если читатель спросит, какое все-таки определение может дать автор книги, я бы сказал, что дипломатия – это наука междунаро-

---

¹ Ж. Камбон был послом Франции в Вашингтоне, Мадриде, Берлине, занимал пост генерального секретаря МИД Франции. Его брат Поль Камбон более 20 лет (1898–1920 гг.) был послом Франции в Лондоне. Он способствовал заключению англо-русского соглашения 1907 г., завершившего оформление Антанты.

² Камбон Ж. Дипломат. – М., 1945. – С. 18.

³ Сатоу Э. Указ. соч. – С. 11.

ных отношений и искусство ведения переговоров руководителями государств и правительств и специальными органами внешних сношений: министерствами иностранных дел, дипломатическими представительствами, участие дипломатов в определении курса внешней политики страны и ее проведении в жизнь мирными средствами. Главная ее цель и задача – защита интересов государства и его граждан.

Итак, дипломатия – это наука и искусство. Некоторые западные дипломаты даже считают, что она в большей степени искусство, чем наука. Тем самым они отдают приоритет личным качествам дипломатов как участников переговоров, подчеркивая, что они являются высококвалифицированными исполнителями принятых решений, умными «собираателями информации» благодаря своим контактам с лицами, которые такой информацией располагают. Среди западных дипломатов популярно сравнение лиц этой профессии с хирургами высокого класса. Каждый врач знает, как делается операция, но один сделает ее великолепно и спасет, казалось бы, безнадежного больного, а другой отправит на тот свет пациента, которого не слишком трудно было бы и вылечить. Другие считают, что внешняя политика подобна нотам в музыке, а дипломат – это исполнитель музыкальных партий. Один исполнитель играет так виртуозно и неповторимо, что вы заслушиваетесь, другой – испортит даже чудесную музыку, и вы уйдете с середины концерта. Дипломат, говорят они, это прежде всего искусник, умелец, виртуоз, а иначе он наломает столько дров, что ни один мастер не сможет исправить положение.

Происхождение дипломатии

Когда появилась на свете дипломатия и кто был первым дипломатом? Первоначально рождение дипломатии связывалось с деятельностью богов. Так было в Греции и Риме. В Средние века, в XVI в., считалось, что первыми дипломатами были ангелы – они вели переговоры между небом и землей. Если говорить серьезно, то следует отметить, что дипломатия появилась с возникновением родового общества, появлением племен, первого обмена продуктами, товарами, первыми проблемами, связанными с территориями для охоты, земледелия, рыболовства и их границами. Там, где появились первые группы людей, возникли и проблемы взаимоотношений между ними, разгорались споры, даже конфликты. На первых порах они разрешались силой, но очень быстро люди пришли к выводу, что часто разногласия выгоднее разрешать не силой, не дракой, не сражениями, а договоренностью. Тем более что урегулирование споров по принципу: кто

силен, тот и прав – приводило не к урегулированию, а к ожесточению и новым, более глубоким конфликтам. Споры возникали часто и внутри одного племени, внутри семьи, и люди постепенно научились их разрешать не оружием, а словом старейшего, который и выступал в роли своеобразного дипломата.

Конечно, это были лишь первые несовершенные, примитивные зачатки будущей дипломатии. При урегулировании споров появились и зародыши соглашений. Эта «дипломатия» не опиралась еще на науку и искусство. Она была сугубо дипломатией практики, «дипломатией здравого смысла». Она в значительной степени диктовалась вынужденным стремлением избежать племенных войн, исход которых – победу или поражение – далеко не всегда можно было предугадать. Это была еще «примитивная дипломатия».

Дипломатия в том смысле, в каком мы понимаем ее сейчас, появилась лишь с развитием производительных сил, с появлением общественного сознания и первых, сначала зачаточных, юридических норм. К сожалению, мы мало знаем о деятельности дипломатии в древние времена, да и сведения эти отрывочны. До нас, например, дошло упоминание, что уже в XV в. до нашей эры, то есть три с половиной тысячи лет назад, Египет заключал международные договоры, причем по правилам дипломатического искусства, близким к нашим дням. В частности, в XII в. до нашей эры он заключил с хеттами военный союз, в котором предусматривалась помощь друг другу, в том числе помощь в борьбе против внутреннего врага. Такая статья редко присутствует в договорах современной дипломатии. Это показывает, что египетская дипломатия уже тогда достигла высокого уровня. Но, оказывается, в Азии, в частности в Индии, еще раньше – в третьем тысячелетии до нашей эры, то есть примерно 4000 лет тому назад – существовала дипломатия еще более развитая. Согласно законам Ману, там уже существовали зачатки международного права и дипломатии как искусства. Индийская дипломатия поэтому обращала внимание на профессиональные качества дипломата, от которых зависели результаты их зарубежной миссии. Индийские дипломаты задумывались и о методах предотвращения войны (современная превентивная дипломатия), и в связи с этим к зарубежной службе предъявлялись требования распознавать планы иностранного государства, предохранять страну от грозящей ей опасности.

Высоким уровнем отличалась дипломатия Древнего Китая, которая взяла на вооружение подписание договоров о разрешении

спорных вопросов и заключение соглашений о ненападении друг на друга. Это был первый известный нам в истории дипломатии случай подписания такого рода договора.

Впрочем, дипломатия стран Азии и Африки не оказала большого влияния на мировую дипломатию из-за оторванности Востока от Запада. Другое дело – дипломатия Греции, Рима и затем Византии. Греческая дипломатия хотя и дала многое для последующей методологии внешних отношений, но, по суровому утверждению Г. Никольсона, греки были плохими дипломатами. Английскому дипломату не нравился излишне демократический, открытый, публичный характер дипломатии Греции. Претило ему и то, что дипломатия все время открыто связывалась с обманом. Традиции обмана и коварства в дипломатии перешли от греков к римлянам. Рим был, по нашим меркам, «сверхдержавой», и его дипломатия взяла на свое вооружение использование силы против более слабого противника, метод разжигания раздоров между соседями. Принцип «разделяй и властвуй» стал ее основным принципом. Обман в дипломатии стал нормой, а выгода во что бы то ни стало – основным кредо. При этом даже внешне положительные начинания Рима использовались им в корыстных целях. Разработка им основных постулатов международного права, в том числе таких, как «*pacta sunt servanda*» («договоры должны соблюдаться»), была направлена на усиление могущества Рима и ослабление его партнеров, так как договоры, заключенные римской дипломатией, были выгодны Риму, ослабляли и без того слабых его партнеров.

Византия взяла много отрицательного из опыта греческой и римской дипломатии и передала в наследство Венеции и другим итальянским городам хитрость, обман, использование силы против слабого партнера. Плохую славу дипломатии добавил и Никколо Макиавелли, политик, который не брезговал никакими, даже самыми низкими приемами, при этом он в ряде случаев даже отошел от того положительного, что внесли в дипломатию Греция и Рим, в том числе от принципа «договоры должны соблюдаться». К его взглядам мы еще вернемся, сейчас лишь отметим, что, к сожалению, они оказали значительное влияние на дипломатов ряда западных стран, которые, часто не признаваясь в этом, упорно следовали его советам.

И только французская дипломатия, начиная с Ф. Кальера, постепенно (преодолевая сопротивление, в том числе и самих французских дипломатов) стала принимать более моральные формы.

Дипломаты Как говорил Мишель де Монтень, французский философ, рассматривавший человека как самую большую ценность, «нелепо судить на основании какой-нибудь одной черты о вещах многообразных», в данном случае о дипломатии. Хотя, как мы показали, дипломатия западных стран на протяжении многих веков не отличалась особой моральной чистотой, заслуги ее перед историей велики, она в значительной степени сформировалась на опыте дипломатии великих держав. Ж. Камбон на основе изучения многовековой деятельности дипломатов приходит к такому выводу: «Я не знаю деятельности более разнообразной, чем профессия дипломата. Во всяком случае, нет такой профессии, где было бы так мало твердых правил и так много основанного на традиции, где для успеха требовалась бы бóльшая настойчивость и... где человек должен был бы обладать большой твердостью характера и независимостью ума»¹. Он отмечал, что широкая публика не понимает, как сложна роль дипломатов, и склонна без снисхождения осуждать их².

К сожалению, в литературе, в романах, произведениях известных и серьезных писателей дипломаты обычно рисуются в самых черных тонах. Гёте так отзывается об одном из своих персонажей – посланнике, главе миссии: «Это – педантичный дурак, каких немного на свете... И мелочен он, как старая кумушка, человек, который никогда не бывает доволен собой и которому поэтому никто не может угодить. Что это за люди, вся душа которых занята исключительно церемониями, а мысли и стремления годами направлены на то, чтобы продвинуться хоть на один стул и сесть повыше за обеденным столом».

Французский писатель Марсель Пруст, создав образ типичного дипломата Норпуа, так характеризовал его: он сер, ограничен, «скучен как дождь», а остальных дипломатов он обвинил во всех пакостях.

Ж. Лабрюйер, описывая характер и нравы дипломатов, назвал их «хамелеонами».

Английский писатель Дж. Олдридж в своих книгах «Дипломат», «Люди и оружие» также нелестно отзывается об английских дипломатах, отмечая их лицемерие.

К сожалению, такого же мнения придерживались и некоторые другие известные и талантливые писатели. К их числу принадлежал

---

¹ Камбон Ж. Указ. соч. – С. 11.

² Там же.

Оноре де Бальзак. Он считал, что дипломатия – это место действия для тех, кто ничем не обладает и кто отличается полной бессодержательностью, поле действия которых позволяет его участникам, ничего не говоря, прямо уклоняться от ответа за мистическим кивком головы, поле действий для тех его самых способных представителей, кто может плавать с поднятой головой против течения событий, изображая, что он сам ими управляет.

Многие политики (в том числе те, кто воображает себя великими дипломатами) также находят удовольствие в том, чтобы унижить дипломатов. К числу их, например, относился Н.С. Хрущев. Сам он зарекомендовал себя в политике малограмотным человеком, в дипломатии прославился срывом конференции в Женеве, некультурным поведением в ООН (где до сих пор вспоминают, как он, снимая во время заседания Ассамблеи ботинок, стучал им по пюпитру и «приветствовал» неприличным жестом главу делегации, чье выступление ему не понравилось). Он говорил: «Я думал, что дипломатия – это очень сложное дело, а оказалось, что это совсем просто». А.А. Громыко при его назначении на пост министра иностранных дел, когда он отказывался, сомневаясь, по плечу ли будет ему такой высокий пост (или дипломатически делал вид, что сомневается), вспоминал, что Н. Хрущев ему ответил: «Дипломатию у нас делают Политбюро, ЦК КПСС, назначим министром председателя колхоза – и он справится».

Некоторые западные политики, занимавшиеся внешнеполитической деятельностью, тоже не слишком жалуют дипломатов. К числу их, например, относится Зб. Бжезинский, бывший помощник президента США по национальной безопасности. Он заявил, что дипломаты являются «излишними».

Требования к профессиональным дипломатам

Прежде всего еще раз напомним, что как методы дипломатии, так и требования к ним со временем изменяются. Для дипломатов Древней Греции одним из важнейших качеств было красноречие, умение выступать на публике, убеждать «толпу». Сейчас это качество может понадобиться лидерам дипломатии да тем, кто выступает на международных конференциях, в ООН, ЮНЕСКО, других международных организациях, и значительно меньше – рядовым дипломатам. В Средние века источником наиболее важной информации были главным образом высшие слои общества, ее получали на больших торжественных приемах, на балах. Поэтому важно было умение играть в карты, танцевать, нравиться дамам, которые легче

выдавали секреты двора. Мать русской императрицы Екатерины II принцесса Цербтская в письме к королю Пруссии Фридриху Великому рекомендовала направить послом в Петербург красивого молодого человека хорошего сложения. На внешность дипломатов в те времена обращали большое внимание. Одежда должна была соответствовать моде и требованиям высших кругов общества, элегантность ценилась особенно высоко. Один из помощников английского заместителя министра иностранных дел говорил, что дипломату не обязательно быть Аполлоном, но он не должен быть «коротышкой» или «скрюченным», не может позволить себе быть небрежно причесанным, с немойтой головой: «Это не те человеческие качества, которые нам надо экспортировать за границу»¹. Естественно, ценилось в дипломатах остроумие, не просто вежливость, а утонченная галантность, особое внимание обращалось на этикет, и каждая ошибка в манере поведения могла повредить карьере дипломата. Г. Никольсон в своем курсе лекций в Оксфорде отмечал, что дипломату следует прежде всего сознавать, что все иностранцы вызывают подозрение, и поэтому надо скрывать свою хитрость, принимать облик обходительной светской персоны. Он полагал, что дипломат должен быть человеком хорошего вкуса, ему нужно поддерживать знакомство с писателями, артистами, художниками, учеными. Некоторые из качеств дипломатов XIV–XV вв. вызывают его одобрение. Он с похвалой отзывался о терпимости (когда, например, партнер проявлял неосведомленность или был глуповат), советовал не превозносить свои дипломатические победы (как это любили делать некоторые дипломаты), подчеркивая, что они оставляют у другой стороны чувство унижения и стремление к расплате; не прибегать к угрозам и нажиму². Эти качества он советовал приобрести молодым дипломатам, и мы можем только присоединиться к этим рекомендациям.

Однако многие качества дипломатов предшествующих веков ушли в прошлое и не могут восприниматься сегодня сколько-нибудь серьезно. Как заметил Г. Никольсон, «человек, который мог бы оказаться блестящим послом в XVII в., теперь вызвал бы только насмешки».

Еще Кальер считал, что дипломату необходим незаурядный интеллект: «Человеку, который не блещет умом, лучше работать

---

¹ Roetter Ch. The Diplomatic Art. An Informal History of World Diplomacy. – Philadelphia, 1963. – P. 36.

² Никольсон Г. Дипломатическое искусство. – М., 1962. – С. 60–61.

в своей стране, где его ошибки могут быть нейтрализованы, в то время как промахи, допущенные за границей, часто непоправимы». Конечно, успех в работе – важный фактор и для дипломата, и для страны, но еще существеннее, подчеркивали многие дипломаты, не делать промахов, не допускать ляпсусов. В конечном счете отсутствие успеха сегодня может смениться достижениями и даже триумфом завтра, просчет и оплошность могут принести большой вред и испортить отношения надолго. Кроме того, отмечают некоторые психологи, свойство памяти – запоминать плохое, необычное. Скандальное помнится лучше, чем обычное, стандартное, хорошее. Ваши ошибки обязательно запомнятся. Люди, близкие к международным отношениям и дипломатии, считают, что лучше не иметь дипломатического представителя за границей вообще, чем иметь на этой должности человека неумного и некультурного. На это обратил внимание Кальер, подчеркивая важность дальновидности прозорливых дипломатов и обрушиваясь на неумных представителей этой профессии. В связи с этим он приводит такой пример:

Герцог Тосканский однажды пожаловался венецианскому дипломату, которого он встретил на пути в Рим:

– Венецианская республика направила к нам послом, – сказал герцог, – персону незначительную, не обладающую ни знанием, ни положением, да к тому же неприятную в общении.

– Да, у нас в Венеции много дураков, – ответил собеседник.

– У нас во Флоренции тоже много дураков, но мы не экспортируем их¹.

В своей книге в главе, посвященной требованиям к «идеальным дипломатам», Г. Никольсон заметил: «Читатель может возразить: Вы забыли назвать ум, знания, наблюдательность... Я не забыл о них. Я считаю, что эти качества сами собой разумеются»².

Дипломат – человек независимого ума

В одной из лучших современных книг по дипломатии английский автор пишет: «Два качества дипломата особенно важны. Первое – он должен быть искусным переговорщиком» (им, конечно, мог быть только очень умный человек). И объясняет, почему он так думает: «Дипломатическое общество носит закрытый характер, подчиняется часто неписаному правилу, и как ведет себя дипломат – представляется очень существенным»³.

---

¹ *De Callieres F.* Op. cit. – P. 171.

² *Никольсон Г.* Дипломатия. – М., 1941. – С. 99.

³ *Clark E.* Op. cit. – P. 16.

Поэтому западные страны с каждым годом придают все большее значение отбору кандидатов на дипломатическую службу, совершенствованию приемных экзаменов и обращают внимание не только на знание абитуриентами тех или других предметов, но прежде всего на умение мыслить, способность разрешить ту или другую проблему, правильно оценить ситуацию, четко и грамотно излагать свою точку зрения. Именно так проходят экзамены при отборе на загранслужбу США. Говоря о сложности профессии дипломата, Ж. Камбон обращает внимание на то, что он должен быть не просто умным, а обладать, как он пишет, «независимостью ума», то есть мыслить самостоятельно, нестандартно, уметь разглядеть истину там, где другие ее обнаружат с трудом или вовсе не доберутся до нее.

Ту же мысль проводит и Г. Никольсон, который особо отмечает, что личность дипломата становится решающим фактором в политике. А известный восточный ученый и писатель Юсуф Баласагунский в книге «Наука быть счастливым. Книга советов царям» в главе «Каким должен быть муж, назначаемый посланником» советует властелину: «Не торопись решать дела при назначении нового посла. Пусть будет он (дипломат) умен и образован, чтоб все твои дела в краях чужих он возвышал своим участием в них, и пусть, слова обдумывая чьи-то, он понимает, что за ними скрыто».

В последнее время руководители мировой дипломатии особое внимание обращают на превентивную дипломатию. Необходимость для дипломатии предвосхищать события уже стала аксиомой. Погасить конфликт в зародыше гораздо легче, чем ликвидировать уже возникшие осложнения, в особенности если они приняли военный характер и приводят к человеческим жертвам. Теорию превентивной дипломатии пропагандировал Бутрос Гали, когда он был на посту Генерального секретаря ООН. Ее выдвинул в качестве основного направления французской внешней политики А. Жюппе, став министром иностранных дел Франции. Ее активными сторонниками являлись министр иностранных дел России Е.М. Примаков и многие другие видные дипломаты. Впрочем, сама эта мысль имеет долгую историю. У. Черчиллю приписывают слова о том, что задача политика и дипломата заключается в том, чтобы предсказать своему правительству, что произойдет в стране его пребывания через год, пять и десять лет, а затем, через год, пять, десять лет, добавлял он с юмором, объяснить, почему это не произошло.

Что предположительно наиболее хитро и обманливо или доверчиво? На втором месте после интеллекта среди качеств дипломата старой школы вплоть до XVIII в. стояли ловкость, хитрость, интриги, коварство. Макиавелли советовал в дипломатии пользоваться приемами не только человека, но и зверя, а из числа зверей выбрать льва и лису – *силу и хитрость*. «Надо быть лисицей, чтобы распознать зло», – советовал он. Макиавелли считал, что искусство дипломата состояло в том, чтобы «скрыть словами действительность», то есть обмануть. «Бесчестность одних, – полагал он, – оправдывает беспечность других». В главе своего классического труда «Государь», озаглавленной «О том, как государи должны держать слово», он писал: «Мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел кого нужно обвести вокруг пальца, такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность»¹. Он, правда, перечисляет и другие, отличные от этих качества и отмечает, какие советы дают обычно дипломатам: быть щедрым, прямодушным, смелым, снисходительным, покладистым. Но сам Макиавелли выносит этим советам суровый приговор: следовать им вредно, так как выглядеть человеком, обладающим этими качествами, полезно, но «проявлять их нужно, только если это окажется необходимым»². Дипломатия, которая не брезгует никакими средствами, в том числе ложью, получила название «макиавеллизма».

Дипломатический словарь характеризовал Макиавелли как автора теории дипломатического искусства: «Макиавелли выдвинул «государственный интерес» в качестве основного принципа политики, оправдывающего любые, даже самые неблагоприятные средства для достижения цели». «...Имя Макиавелли стало нарицательным». «Макиавеллизм» явился синонимом политики, не останавливающейся ни перед какими средствами для достижения успеха».

Известно, однако, что ряд ученых считают, что эта оценка «макиавеллизма» несправедлива, что она результат «длительной» и «все распространяющейся традиции» (желающих подробнее ознакомиться с другими оценками Макиавелли я отсылаю к интересной статье

¹ Макиавелли Н. Избр. соч. – М., 1982. – С. 351. В противовес этому утверждению министр иностранных дел Италии барон Соннино (1847–1924 гг.) велел выгравировать над камином в своем кабинете слова: «Другим можно – тебе нельзя». (Никольсон Г. Дипломатия. – С. 70.)

² Макиавелли Н. Указ. соч. – С. 352.

профессора К. Долгова «Гуманизм, вырождение и политическая философия Никколо Макиавелли»).

Известно, что очень внимательно читали труды Макиавелли К. Маркс и Ф. Энгельс. Бывший премьер Советского Союза Н.И. Рыжков поведал такую историю: «Однажды мне попала в руки редчайшая книга «Государь» Макиавелли, изданная в Петербурге в 1869 г., – пишет он в своих воспоминаниях «Перестройка: история предательств». – Уникальность экземпляра заключалась в том, что именно ее читал И.В. Сталин. В книге сохранились и строки, подчеркнутые им. Среди них: «Безбоязненно могут быть государи жестокими в военное время», «Неестественно, чтобы вооруженный стал охотно покоряться невооруженному» и т.д.»¹.

Небезынтересно отметить, что принципы Макиавелли придерживались политики и дипломаты на протяжении многих веков, даже те правители и дипломаты, которые на словах выступали против них. Так, прусский король Фридрих II (1740–1786 гг.) начал свою политическую карьеру с опровержения морали великого флорентийца, опубликовав даже книгу «Антимакиавелли», справедливо утверждая, что последний «внес порчу в политику и поставил себе целью разрушить правила здоровой морали»². Но, вступив на престол, Фридрих II стал верным последователем Макиавелли. Сам он сформулировал главный принцип дипломатии монарха так: «Раз должно произойти надувательство, то уж лучше надуть будем мы»³.

Приведем еще одно высказывание относительно существа дипломатии. Оно принадлежит Ф. Энгельсу. (Мы теперь не часто ссылаемся на Маркса и Энгельса, в отличие от западных авторов, но они глубоко изучали вопросы внешней политики и дипломатии.) Вот что писал Энгельс, характеризуя принципы дипломатии абсолютизма: «Натравливать народы друг на друга, использовать один народ для угнетения другого, чтобы таким образом продлить существование абсолютной власти, – вот к чему сводилось искусство и деятельность всех существовавших доселе правителей и их дипломатов»⁴. Пожалуй, первым или одним из первых, кто по-настоящему выступил в западной дипломатии против макиавеллизма, за честную дипломатию, против обмана в переговорах с иностранными правителями,

---

¹ Сам Н.И. Рыжков склонялся к мысли, что книги Макиавелли являются «учебником диктаторов».

² *История дипломатии*. – Т. 1. – С. 329.

³ Там же. – С. 329–330.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 5. – С. 160.

был не раз упоминавшийся нами Ф. Кальер. «Хороший дипломат, – писал он, – никогда не должен основывать успех своих действий на ложных обещаниях и вероломстве. Огромной, широко распространенной ошибкой является утверждение, что хороший переговорщик должен быть мастером искусства обманывать». Он называет обман «умственным убожеством, признаком того, что ум дипломата не может найти средств к достижению своей цели». «Честность, – подчеркивал он, – всегда лучшая политика, в то время как ложь всегда оставляет после себя “каплю отравы”»¹.

Итак, честность и еще раз честность – только она может быть залогом успеха дипломатии. Американские политологи к основным средствам дипломатии относят убеждение и компромиссы. Естественно, что они могут быть эффективными при том условии, что вашим доводам и обещаниям верят. Сами дипломаты отношения, к которым они стремятся, называют доверительными (от слов «доверие», «вера»).

Сказанное, конечно, не означает, что дипломат должен раскрывать все свои карты, говорить (отвечая на вопросы) все, что он знает. Он должен говорить правду, только правду, *но не всю правду*. Он не свидетель на суде, он представитель государства, которое может иметь секреты, не подлежащие оглашению. Если он не хочет чего-то сказать, он должен уклониться от ответа (дипломатический язык дает для этого огромные возможности), но не нужно говорить неправду и отказываться от своих слов.

Ложь дискредитирует не только дипломата, затрудняет его дальнейшую деятельность, но и государство, которое он представляет. Американский и французский дипломаты Дж. Вуд и Ж. Серре в своей книге отмечают, что если дипломат «будет уличен во лжи, то он может быть окончательно дискредитирован»².

При этом честность в дипломатии предусматривает и точность, и правильность в изложении позиции своего правительства и правительственных доводов, которые приводятся дипломатами, и аккуратность в формулировках.

Дипломатия – это по существу постоянное кредитование: сообщение другому дипломату определенной доверительной информации и получение от него аналогичных сведений.

---

¹ De Callieres F. Op. cit. – P. 31.

² Вуд Дж., Серре Ж. Дипломатический церемониал и протокол. – М., 1976. – С. 35.

А к чему приводит ложь в дипломатии? Широко известны слова Бетман-Гольвега, германского рейхсканцлера, отказавшегося от договорных обязательств своей страны. Во время разговора с послом Англии в августе 1914 г., защищая позицию Германии, нарушившей обязательства нейтралитета Бельгии, он заявил, что «договор – это клочок бумаги». Эта фраза вызвала возмущение во всем мире, а сам канцлер на так называемой «бирже репутации дипломатов» (честные-нечестные) был отнесен ко второй категории (которым нельзя доверять). А вот история, которую мне рассказал один из участников заседания в Совете взаимодействия (совете бывших президентов и премьеров). На нем присутствовал и премьер Канады Пьер Трюдо.

Во время перерыва зашел разговор об отношениях между премьерами.

– А Вы знаете историю отношений Трюдо с Индирой Ганди? – спросил он меня.

– Нет, – ответил я, – а что это за история?

– Канада поставляла ядерное топливо для строящейся в Индии атомной электростанции – плутоний. Как известно, он мог быть использован и в военных целях. Трюдо попросил Ганди подтвердить, что Индия не будет использовать канадские поставки для создания ядерной бомбы. Ганди категорически уверяла его в этом, а некоторое время спустя в Индии произошел ядерный взрыв (по утверждению индусов, в мирных целях), а полученные разведывательные данные свидетельствовали о военном характере испытаний. Отношения между двумя премьерами резко обострились, и даже когда они вынуждены были встречаться, то они или больше молчали или ограничивались словами «да», «нет». Трюдо не мог простить Ганди обмана.

А вот другой пример, как ложью может дискредитировать себя дипломат самого высокого ранга.

В 1997 г. в Польше был взорван памятник советским воинам, освободившим Торунь. К слову скажем, что за освобождение Польши отдали свои жизни 600 тысяч советских солдат. Протесты против этого варварского акта выразили Россия, Украина, Казахстан, Киргизия, Армения и Молдавия. МИД России, заявив протест, отметил, что действия польских властей грубо нарушают Межправительственное российско-польское соглашение от 22 февраля 1994 г., конкретно параграфы 2 и 3 этого соглашения. Протокол к нему содержит и список таких охраняемых государством памятников.

Министр иностранных дел Польши Дариуш Росати заявил, что он не видит в этом акте никаких нарушений, да к тому же данного памятника нет в списке объектов, подпадающих под это соглашение. Это была откровенная ложь. Прошло всего несколько часов, и на пресс-конференции, созванной российским посольством в Варшаве, посол Л. Дра-

чевский вынужден был, опровергнув заявление польского министра, показать журналистам соответствующий протокол, где разрушенный обелиск стоит на *первом месте*.

Чего же достиг министр откровенной дезинформацией? Ложь продержалась всего несколько часов. Восторжествовала правда. Prestижу министра и польской дипломатии был нанесен урон. Сознательно ли «ошибся» министр, доверился ли он своим недобросовестным дипломатам или несерьезно отнесся к своим заявлениям, уже не имеет значения – издевательство над могилами павших воинов было «узаконено» представителем государства. Российско-польским отношениям причинен ущерб, пострадало также и доверие к польской дипломатии.

**Что такое
лояльность
дипломата?**

Одним из наиболее важных качеств дипломата является его лояльность. Это стало для дипломатической службы аксиомой. Но относительно того, что такое лояльность, существует разброс мнений. Максимальное толкование лояльности заключается в лояльности в отношении всех персон, стоящих над ним, – президента, премьера, министра иностранных дел, его заместителя, начальника департамента (основная фигура, с которой связывается посол).

При этом надо иметь в виду, что некоторые правительства и министерства любят оптимистические доклады, радужные донесения. Не составляет в этом отношении исключение и Министерство иностранных дел России, в особенности некоторые департаменты. Иногда этот принцип распространяется и на власти страны пребывания: благоприятный вывод – хороший посол, не сложились отношения – плохой. Безусловно, умение установить добрые отношения с руководством страны, в которой вы работали, – очень важное качество посла. Но вопрос в том, какими средствами они достигаются: уступками, не слишком твердым отстаиванием своей позиции? Тогда эта «лояльность» оборачивается нелояльностью в отношении своего правительства. Лояльность – это преданность своему государству, его правительству, политической линии, которая, как правило, формулируется президентом (премьером) и министром и обычно доводится до посла через министра иностранных дел, это строгое выполнение полученных им инструкций и дисциплинированность в самом широком смысле этого слова. Принцип лояльности является и одним из основных требований, предъявляемых к российской дипломатии и дипломатам. Выступая по телевидению, министр иностранных дел Е.М. Примаков сказал: «МИД России абсолютно лоялен

в отношении президента». Это не подлаживание под личные точки зрения того или иного чиновника, даже высокого ранга.

Дипломат до тех пор честно выполняет свои функции, пока он сообщает руководству своего государства абсолютно правильную, объективную информацию. Он – интеллектуальный солдат своей страны. Его дисциплинированность не только строга, но даже более жесткая, чем дисциплинированность военнослужащего – от солдата до генерала. И ущерб от его малейшей недисциплинированности, от отсутствия точности и аккуратности и безусловной исполнительности может быть больше, чем от недисциплинированности солдата.

С особой остротой вопрос о значении точного информирования дипломатами своего правительства поставил еще Кальер. Он подчеркивал, что дипломат ни в коем случае не должен, скажем, сообщать своему правительству «о надеждах на успех в ходе переговоров до тех пор, пока успех не находится в его руках»¹. Он предупреждал дипломатов об искушении говорить правительству то, что оно желало бы слышать, а не то, что ему следовало бы знать, какой бы горькой правда ни была. У Черчилль так отзывался об одном из своих адмиралов: он прекрасный человек, но имеет один недостаток – не может быть неподатливым.

Дипломат представляет не себя, отстаивает не свои личные взгляды, а интересы своего правительства. Это – его главная обязанность, сущность его работы. Для него нет ничего дороже, чем защищать интересы страны в строгом соответствии с полученными инструкциями. И нет большего недостатка, если он не следует этому правилу. Болезнью дипломатов (в частности, в США и некоторых других странах) считается так называемый «локалитис» – пристрастие к стране (местности), где он долго живет и работает, и тогда ему эта страна и ее политика нравятся больше своей. С одной стороны, хорошо, когда дипломат долго живет в чужой стране, он лучше узнает ее, ее язык, нравы, у него появляются широкие и доверительные контакты. Его информация более глубокая. Такому работнику нет цены. Посол СССР в США Анатолий Добрынин был в Вашингтоне в течение 24 лет при шести президентах, и руководство СССР было настолько удовлетворено им, что ему, единственному из всех послов, было присвоено звание Героя социалистического труда. Такие «послы-долгожители» пользовались большим уважением в странах их пребывания. Но именно это и вызывало иногда опасение – не стал ли

---

¹ De Callieres F. Op. cit. – P. 130.

посол слишком мягким, услужливым в отношении страны своего пребывания.

Иногда к тактике – не раздражать руководство – подталкивает дипломатов аппарат самого министерства, потому что «тревожные донесения» заставляют прибегать к каким-то действиям, к преодолению инертности, что может не понравиться руководству. В министерствах иностранных дел различных стран уже выработан ряд доводов против «локалитиса». Более долгий срок пребывания за границей одних дипломатов задерживает направление за границу других сотрудников, желающих поехать на оперативную работу (которая часто более интересна и лучше оплачивается, чем в родной стране). Другой довод – люди привыкают к своим связям за границей и перестают критически воспринимать события; цитируются при этом слова Сократа: «Все знать – значит простить». Надо отметить, что далеко не все дипломаты одобряют борьбу с «локалитисом», ссылаясь при этом на то, что частая смена дипломатов ведет к понижению их профессионализма, к затруднениям в установлении контактов (на установление серьезных связей уходит год-два, а затем наступает отъезд сотрудников и разрыв связей). Частые смены приводят к назначению дипломатов в страны, далекие от их специализации, что тоже идет не на пользу дела. Наконец, и жители страны пребывания дипломата, в особенности те из них, кто установил хорошие контакты с иностранными дипломатами, также осуждают эту систему. Они обычно говорят: «Только мы познакомились с дипломатом, стали с ним регулярно встречаться и получать интересную и полезную информацию, как получаем приглашение на прием с пометкой “по случаю отъезда на Родину”»¹. В американской дипломатической службе при подготовке молодых специалистов обращают особое внимание на лояльность дипломатов. «Сообщайте правдивую информацию, а не то, что хочет начальство», – гласит инструкция. «Выполняйте принятое центром решение, даже если с ним не согласны»².

Такого рода требования объясняются тем, что (позволю себе повторить), к сожалению, дипломаты по разным причинам – не желая огорчать пессимистической информацией свое правительство или не желая осложнять отношения со страной пребывания – дают

---

¹ В России установили срок пребывания дипломатов за рубежом три-четыре года, с продлением в случае необходимости по решению МИД.

² Симпсон С. Учебные программы и курсы по дипломатической практике / Пер. с англ. В.М. Матвеева. – М., 1989. – С. 66.